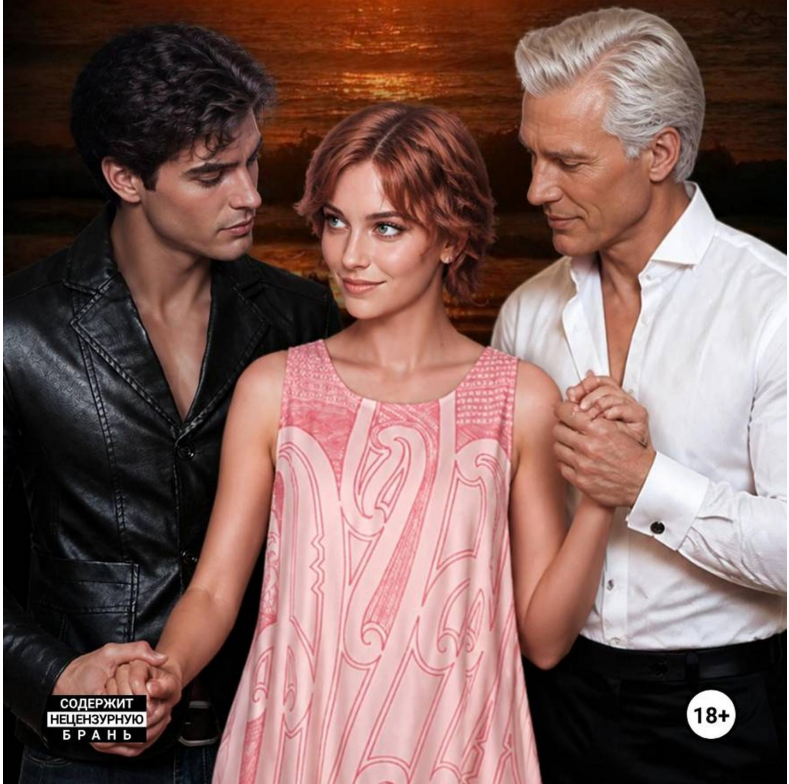
Екатерина Соловьева

Девочка с топором и косичками

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Екатерина Соловьёва

Девочка с топором и косичками

https://litres.ru/74716072
SelfPub; 2026

Аннотация

Неугомонной Кассандре Дементиру на голову сваливается новое преступление: убийство с особой жестокостью. Убийца в камере, но Кассандра почему-то не торопится отдавать её на суд высших сил. Мариан дал ей всего три дня, чтобы уточнить окончательный приговор. Всё, что есть у Кассандры - это три дня и чертовщина, которая начинает твориться вокруг. А масла в огонь подливает начальник, Антон Калдарару, влюблённый в Кассандру...

Содержание

Глава 1. Обратно в Чернаводэ 4
Глава 2. С особой жестокостью 9
Глава 3. Горевестница 15
Глава 4. Девочка с косичками 20
Глава 5. Когда в тебе слабеет вера 27
И одиноко, хоть кричи, 27
Отринь тоску и Люцифера 27
В свои объятья заключи 27
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Екатерина Соловьёва
Девочка с топором и косичками

Глава 1. Обратно в Чернаводэ

Как говорится, хочешь насмешить бога: расскажи ему о своих планах. Моё заявление о переводе в Констанц на должность следователя лежало на столе, между мной и начальником отделения полиции, Нану.

– Я читал твою историю в досье, Кассандра. Очень трогательно, – начал Нану, смачно затянувшись. При этом стало видно, как его серая рубашка промокла от пота подмышками. – Воспитывала бабушка, потому что родители пропали неизвестно куда. Бабушку убили из-за двух старых икон, когда ты закончила школу, и тогда у тебя появилась цель: ловить преступников.

Он затягивался так, что за три затяжки осталось полсигареты, а на жёстких седых усах (давно нестриженых) оседали нити дыма. Это бесило: вдруг проснулась старая жажда к никотиновым палочкам, и я сжала зубы, поёжившись на стуле напротив.

Нану стряхнул пепел в металлическую пепельницу с чеканкой по краю и подытожил:

– Нет уж, хватит, дорогуша. Полицейских – и следователей, и патрульных – полно. А психологов-криминалистов кот наплакал. Каждый день на свет появляется какой-нибудь псих и шинкует всех в капусту из-за того, что мамочка в детстве насильно кормила его гороховым супом. Кто будет заниматься этими ребятами, если ты будешь шастать где попало и допрашивать свидетелей? Молчишь? Вот и молчи. Потому что тебя недавно так изрешетили, что ожила только благодаря богу. Или в твоём случае – дьяволу.

Я криво усмехнулась: слухи, как обычно, опережали меня. Даже здесь, в Констанце, за спиной шептались, творили крёстные знамения и смотрели недобро. Сразу стало ясно: завернут обратно, суеверные идиоты. Но это полбеды. После дела Николы Прутяну поднялась такая волна межведомственных проверок и антикоррупционных чисток, что вонь стояла – будь здоров. Шерстили министерство, полицию, армейские казармы; искали всех, кто был хоть как-то связан с Ханзи и Йорданом.

– В Чернаводэ тебе будет поспокойнее, – Нану раздавил окурок в пепельнице. – А здесь мало ли чего. Сама понимаешь. Люди волнуются. Поезжай. Как тебе новый начальник?

Я неопределённо повела плечом. Вспомнила, как встретил меня в участке Гунари, тот самый следователь с обвислыми усами, который допрашивал в больнице. Он-то и пред-

ставил мне нового начальника – Антона Калдарару, лет на пятнадцать старше меня, с ранней проседью и жёсткого, будто только что из горячей точки. С Антоном у нас не сложилось сразу. Он сходу обвинил меня в непрофессионализме по делу Риты, и Николы, устроил разнос за хреновое ведение архива и утром, когда я мирно дрыхла, наорал по телефону за то, что не вышла на работу. Оказывается, я должна была с помощью телепатии узнать, что он снова вернул меня в штат.

– Сработаетесь, – кивнул Нану. – Патологоанатом?

Патологоанатом, Виорел Кришан, был юн и безус. Однако, порослью в виде бороды на лице, видимо, весьма гордился. Мы толком и не общались: он не вылезал из наушников.

Я вздохнула.

– Понятно, – кивнул Нану. – Вот удостоверение. Копии приказов возьмёшь в канцелярии.

Я встала, понимая, что разговор окончен. Пожала плечами, вышла. На пороге Нану окликнул:

– Что, Деменитру, как твоё колено?

– Лучше прежнего.

В отделе расследований Констанца почти ничего не изменилось за восемнадцать лет. Разве что стены в коридорах подштукатурили, покрасили в зелёный, ну и свежие лица (если их так можно назвать) украшали доску с ориентировками в коридоре. В канцелярии замотанная кадровица велела подождать на улице с полчаса, и я послушалась: сама кадровица отвечала сразу на два телефона и ещё что-то успева-

ла печатать на клавиатуре, а от летней духоты у меня уже вся блузка промокла. Впрочем, на улице было не лучше: солнце так и палило. Пришлось извлечь из рюкзака стекловолоконную белую шляпу, переделанную в стетсон, и набросить на голову.

Я принимала солнечные ванны во дворе отделения на скамейке, удивительно быстро смирившись с поражением. Лезть скандалить было лень: зноем разморило так, что двинуться лишний раз не хотелось. Ну и плюс всё, что я когда-либо знала о Нану: человек-кремень, на хорошем счету, людей своих бережёт, но и строг так, что лучше это не проверять, себе дороже. Ничего, мы тоже не из известняка. Первая попытка зачтена, будет и вторая. Во дворике было так тихо, что только из открытых окон отделения слышался скрип принтера да шаги. Патрульная машина где-то болталась, а в кустах акации прятались измученные воробьи: жажда и зной доконали и их.

В Чернаводэ было посвежее из-за зелени. Возвращаться туда не хотелось. Во-первых, и там все смотрели косо из-за слухов. А во-вторых – Мариан... который исчез и не появлялся почти год. Понятное дело: находясь в розыске, на пороге криминалиста не особо появишься, но он же не совсем человек и мог бы... Мог бы. Но не стал. Поэтому, чтобы не свихнуться от постоянных мыслей о преступнике модельной внешности, госпожа Дементру успела обеспечить алиби для одного наивного бедолаги-строителя, а для одного особо ре-

тивого священника – путёвку в психиатрический санаторий. А в третьих, уезжая в Констанц, я обнаружила на крыльце букет белых роз с запиской «Прекрасной Кассандре от Антона Калдарару». Антона Калдарару, моего начальника полицейского участка в Чернаводэ…

Глава 2. С особой жестокостью

Когда раздался тот звонок, после которого всё и завертелось, я потела в участке над месячным отчётом, а Антон вышел, чтобы купить мороженого. Я сразу сказала, что есть его не буду, но Калдарару – упрямый осёл, который по-румынски, видимо, понимает плохо. Шла вторая неделя изматывающего зноя, когда звонков не было даже по мелким кражам из магазинов: каждый чернаводинец искал и дрался за место под кондиционером, вентиляторы не спасали; у многих тогда «полетели» холодильники, и Згырчиту из ремонтного сервиса неплохо нажился, загибая за починку «конские» цены.

В участке кондиционера не было, а была в нём натуральная душегубка, несмотря на распахнутые окна, ибо невыносимая жара висела без малейшего намёка на дуновение ветерка. На небе – ни облачка, в прогнозе погоды – +40С°.

Я вытерла вспотевшие пальцы о форменные брюки, чтобы ручка не выскальзывала, и продолжала мужественно сражаться с отчётом. Мысли о море – таком прохладном и нужном сейчас – налипали на слова на бланке. Антон, пока Гунари дежурил, возил меня после смены в местный посёлок Кныш – купаться. Я поначалу отнекивалась, но пришла отупляющая мучительная жарища и всё решила за меня. Да и поплескаться в чистых волнах всё-таки было приятно (хо-

тя я видела, каким взглядом смотрит Антон на меня в купальнике). Но теперь Гунари взял отпуск и укатил с семьёй куда-то в Черногорию. Так что Калдарару оставалось только время на пересменке, и он пытался выжать из него всё, что только можно. Вчера мои любимые кешью притащил. Сейчас вот за мороженым побежал... лучше бы взял лимонад.

Понятное дело, чего начотделения добивался, и я ждала этого момента, чтобы объяснить ему, что ничего не светит и всё такое прочее. Возможно, и я сама частично виновата в том, что сразу не пресекла эти знаки внимания на корню. Но Мариан ушёл. Он так больше и не появился. А я осталась одна. Антон – вдовец и неплохой полицейский. Я отлично поняла, по какой причине он резко перестал орать на меня и прислал месяц назад розы: раскопал-таки моё дело, чёрт его дери. Раскопал всё и проникся...

Вообще-то он даже симпатичный, глаза лисьи, серые да умные. И улыбка такая... редкая, но пронимает. Вот только забота его доставучая в печёнках уже сидит. Сколько раз говорила: «не надо...» и всё одно как об стенку горох. Может, боится не успеть ничего? Сорок восемь лет – не шутки.

Я сложила отчёты в стопку. В туалете перед зеркалом опрыскала лицо и шею водой. Взлохматила волосы. День тянулся, как резиновый.

И вдруг раздался тот самый звонок.

– Полиция! – заполошно кричали в трубке. – Ай, полиция?

– Криминалист Деменитру слушает.

– Полицию дайте! – завопила баба, услышав мой голос. – Мужика! Полицейского!

– Я и есть полиция! – рявкнула я. – Говорите! Имя, фамилия, причина вызова!

– Илинка Чореску я, – залепетала баба, – я сегодня к Марешам зашла, а там Флорика вся в крови, а муж её, Григор… ой, горюшко! На полу лежит в луже крови! Как свинья зарезанная! И топор рядышком... ладно, дочка-то их у нас ночевала-а...

Я сглотнула. Не люблю бытовуху. Дурное дело. Но слыша, что баба совсем ударилась в истерику, скомандовала:

– Дочку Марешей домой не пускать. Ничего не трогать. Закрыться дома! Сейчас будет вам полиция.

Я положила трубку. Калдарару стоял на пороге с полными руками мороженого и лимонада. Увидев мою кислую физиономию, он замер и всё понял.

Я подняла на него взгляд:

– По коням, начальник. Убийство нам на голову упало.

По дороге я набрала Виорела, объяснила, куда подгонять грузовичок, чтобы забрать тело.

– Что эти Мареши? – спросил из-за руля Антон. – Алкоголики? Цыгане?

– Какое там, – я махнула рукой. – Семья дальнобойщика. Недавно сюда переехали, лет пять или шесть. Я их видела за всё время пару раз. Григора этого у Гэнеди. А Флорика дочь

в школу водила. И в больницу. Хреновое дело, – я нахмурилась. – Дочку их в интернат отправят. Отца убили. Мать посадят.

Антон молчал. А что тут ещё скажешь?

Когда мы подъехали, Илинка Чореску, пышная фермерша в белом переднике на цветастом платье, маячила на тротуаре. С крыльца дома тропинка кровавых следов уводила по дорожке к соседнему дому и обратно: Илинка прижимала платок к глазам и охала. Следы были её, со страху она бегала туда-сюда, не зная, за что схватиться.

– Ой... – запричитала фермерша, увидев нас, – да что ж это такое делается... Флорика же – ангел чистый, ни слова никогда никому... тихая, в чём душа только держится... да как это... что же это...

– Пойдёмте, – кивнул Антон, проверяя табельный. – Понятой будете.

В доме пахло медью и каким-то дешёвым пойлом. Картина, открывшаяся нам, потом ещё долго стояла перед глазами. Солнце заливало белым светом гостиную, измазанную красно-бурым: на стенах, на шторах отпечатки окровавленных ладоней, будто какая-то работа импрессиониста. Столько красного на белом...

Флорику мы нашли в углу. Она, растрёпанная и чёрная от крови, смотрела в одну точку и напевала: «спи, доченька, спи...» Рядом лицом вниз лежал труп с рубленой раной на затылке. Нет, с несколькими... Мужской труп. Небольшой

топорик, которым обычно рубят дрова на растопку, валялся рядом. Крови натекло столько, что она пропитала коврик у дивана.

Антон, надо отдать ему должное, действовал оперативно. На топор наступил и надел наручники на тощие запястья женщины – она даже не думала сопротивляться. А я вытащила фотоаппарат и принялась запечатлевать место преступления со всех ракурсов.

– Я поехал, – Антон коснулся плеча. – Заведу дело, оформлю её. Допрошу. Справишься?

– Угу. Тело перевернёшь?

Он повернул труп так, чтобы я смогла сфотографировать лицо, и я порадовалась, что не успела съесть мороженое. Раззявленный рот, закатившиеся под веки глаза, свёрнутый набок нос... заросшие щетиной щёки и подбородок старили покойного Григора, делая его пятидесятилетним. А вот его жена мне показалась намного более юной.

– Могли бы и подождать, – ворчливо заметил Виорел, входя и натягивая резиновые перчатки.

– Жара такая! – возмутился Антон от двери. – Давай пакуй его, пока не протух!

Я натянула перчатки, и мы упаковали тело. И пока Виорел привязывал его ремнями в кузове, чтобы не болталось на кочках, я сунула в мешок орудие убийства и сняла со всех поверхностей отпечатки пальцев. Не забыла и Илинку, а с Флорики Антон снимет.

Что семейка не шибко дружная в глаза бросилось сразу: ни одной совместной фотки в рамке. А значит, либо вспомнить нечего, либо не хочется.

Комната Флорики меня поразила: столько мягких игрушек у взрослой женщины редко увидишь. Хотя, может, она их коллекционировала. Или остались после того, как дочь выросла.

– Дочка-то их, Лалка, часто у нас бывает. То свинушек покормит, то куриц. Любит она животных-то, а отец запрещал... – стрекотала за моей спиной Илинка. – А и Флорика её сама к нам отправляла, как Григор с рейса приходил. А я и рада!

Я нарочно тянула время, не желая переходить к самому неприятному: объяснять дочке Марешей куда подевались её родители.

Глава 3. Горевестница

Пока я поднималась в темноте по скрипучей лестнице в доме Чореску, тяжёлые мысли обступили со всех сторон. Вспомнилось, как после смерти бабушки стервятниками налетели тётки – седьмая вода на киселе – и радостно (нет, злорадно) объявили, что теперь они – мои опекунши. Те самые тётки, которых я видела раз в жизни: встретила случайно на почте и получила вместо приветствия: «Ишь, какая кобыла вымахала. Ишь, лыбится. Драть тебя некому». Они пришли вечером, как только страх одиночества снова начал подкрадываться ко мне. Одна тётка уже достала бабушкино платье из шкафа и пыталась примерить, а другая пересчитывала вилки на кухне. Я не помню, что я им кричала. И до сих пор не знаю, била ли. Но выгнать смогла. Больше родни у меня не было, но женщина из опеки чётко сказала: опекуна должна выбрать ты сама. Мне повезло: тётки не знали точной даты моего дня рождения, а искать опекуна можно целый месяц. Вот за месяц я как раз стала совершеннолетней, продала квартиру и уехала в Бухарест.

…но этот страх – выбрать между этими гарпиями и детдомом – впитался в кожу. О том, как живут детдомовские, я прекрасно знала, был один усыновлённый в дворовой компании, но не лучше было бы и у «гарпий»: загривком чуяла.

Вот и Лалке сейчас точно также. Дерьмово быть вестником смерти, особенно для ребёнка, но нужно успокоить Лалку сейчас по возможности, отогнать кусачий страх. Дать понять, что надежда есть всегда. И работа… такая работа.

Поэтому я подождала у двери, собираясь с духом и вытирая рукавом набежавшие слёзы.

Лалка сидела на кровати спиной к двери и обнимала подушку. В окно виднелась часть её дома, где мать только что убила отца. Солнце уже садилось, и крыша была вся алая, будто от пролитой крови. С улицы мычали коровы, которых муж Илинки загонял в коровник.

– Привет, – я поставила рядом стул и села. – Я – Кассандра. Криминалист.

Она кивнула, даже не взглянув на меня. На вид ей было лет двенадцать, может, тринадцать.

– Послушай, Лала… – я запнулась и вдруг выпалила скороговоркой, набравшись храбрости, – твоя мама папу топором ударила. Он не выжил. Мне сейчас надо бы узнать от тебя о твоей маме. Всё, что сможешь рассказать. Почему она это сделала? Он бил её, обижал?

Она зажмурилась, будто я её ударила. Собралась было заплакать, но не смогла: не осознала ещё всего, что случилось. Только подушку сильнее сжала.

– Понимаешь, Лала, есть убийства с особой жестокостью, за него человека на двадцать лет посадить в тюрьму можно. А есть самооборона или состояние аффекта, там вообще без

тюрьмы можно обойтись.

Она долго молчала, видимо, собираясь с мыслями, кусала губы. А я смотрела и понимала, что она очень похожа на мать: большущие зелёные глаза, чёрные локоны. Ничего от отца, ну, или от того, что от него осталось. На всякий случай я достала диктофон из рюкзака и включила запись.

– Допрос Лалки Мареш ведёт Кассандра Деменитру. Лала, твой отец бил мать? Обижал?

Девочка развернулась и медленно заговорила:

– Она вся как-то… сжималась, что ли, когда меня отец обнимал. Он раньше дома редко бывал. Приедет ночью – утром уже нету. А с год назад где-то почаще стал бывать. Подарки дарить, шоколадки всякие, новые платья. А мама… она ревновала, наверное. Не нравилось ей это. Злилась она вроде бы. Но не отбирала ничего… – Лалка всхлипнула. – Дура она у меня… говорить не умеет, только с машинкой своей…

– Как же не умеет, я ведь слышала, как она поёт, – удивилась я.

– Врёте! – зло рубанула девочка. – Я всю жизнь от неё хоть слово ждала, а она молчала! А вы про песни!

«Странно. Надо бы прояснить этот вопрос».

– А тебя она обижала?

– Нет, – ответила Лалка сразу. – Она меня баловала всегда. Играла. Заплетала по-хитрому. Прятала, когда отец ругался или пьяный орал.

– А что он пьяный орал?

– Редко. Первый день из рейса всегда такой был, сколько себя помню.

– А мама с папой как общались? Было такое, что дрались?

– Нет. Не было. Он скажет, «чтоб было чисто», она приберёт. И приготовит.

– А они обнимались? Целовались?

Она сердито помотала головой. Потом, вспомнила, что я записываю на диктофон, и бросила:

– Нет! Я такого никогда не видела!

– Ладно, хватит на сегодня. Отдохни. Поспи.

***

В полутёмной прихожей, увешанной деревянными распятиями и освещённой тусклой лампочкой, я объяснила Илинке:

– Я в опеку позвонила. Завтра с утра приедут, будут искать опекунов…

– Ой, горюшко… – завела та, всплеснув полными руками, – и я в который раз подумала о том, что опекуном как раз может стать она. – Ой-ёй-ёй…

– Пусть пока у вас поживёт, если вы не против. А то там, дома, отмыть всё от крови ещё надо.

– Да я отмою, отмою! – взвыла фермерша и тут же прижала ладонь ко рту. – Пусть всегда у нас живёт! Не отдавайте вы ребятёнка этим иродам!

– Каким?

– А то не знаете! Мы ведь и в детдом в Тулчу продаём! И молоко, и творог, и масло. Когда муж возит, а когда и я. Видела я, как они мальчишку какого-то в луже топили, а он, тощенький, брыкается… Чтобы нашу Лалку туда… Да ни в жисть!

– А вы в курсе, есть у Марешей родственники?

Илинка помотала головой так, что выбившиеся из «шишки» чёрные волосы, мотнулись по лицу.

– Одни они. Как приехали – не было у них никого. И в гостях ни разочка.

– А откуда они приехали?

– Григор… царствие ему небесное… говорил, из Бухареста они…

– Ясно. Спокойной ночи!

Я уже шагнула к порогу и вдруг… кресты стали один за другим переворачиваться. Прямо как в кино «Заклятье-2». Я вживую такого никогда не видела и от любопытства подвисла. А Илинка затряслась всем телом, с диким ужасом вылупилась на меня и указала пальцем:

– Ведьма! Батюшки… ох… Нечистая!

Я выскочила на крыльцо и ретировалась в участок. Очень хотелось сделать две вещи: допросить каким-нибудь образом Флорику и потрясти за грудки Мариана: какого дьявола, собственно, происходит?!

Глава 4. Девочка с косичками

В тёмном участке за стойкой сидел и курил хмурый Антон. От света настольной лампы его седые волосы золотились, а на лице чётче обозначились морщины. На столе лежала раскрытая новая папка и лист протокола, который Калдарару старательно заполнял.

Я плюхнулась рядом, достала ноут и принялась перекидывать материалы допроса, чтобы приобщить к делу. Какое-то время тишину нарушал только скрип его ручки и шум вентилятора ноута.

– Допрашивал? – не утерпела я.

Антон кивнул.

– И какой мотив?

– Молчит она, – неохотно отозвался он.

– Как молчит? – я вспомнила, как Лалка говорила, что мать ни разу ни словечка не произнесла. – Я же слышала, как он колыбельную пела, когда мы вошли!

Антон бросил за меня быстрый взгляд:

– Значит, пережарилась в участке. Езжай давай домой.

– Ну вообще-то я допросить Флорику приехала!

– Да ладно?

– И мотив у меня есть, потому что я дочку Флорики уже допросила!

– И какой же мотив?

Я молча включила запись допроса на словах Лалки о том, что матери не нравилось внезапное внимание отца к ней.

Антон только хмыкнул.

– И как ты немую разговоришь?

– Есть многое, мой друг, Горацио… – задрав нос, процитировала я. Знаю, меня за это сильно не любят, а мужики – особенно, но устоять-то, чтобы не поддразнить сложно. – На то я и психолог.

– Гунари вернулся. Он приведёт. У тебя полчаса, Деменитру.

– Час.

– Сорок минут.

– Сорок пять.

– Каська!

– Меня уже здесь нет!

***

Недовольный Гунари закрыл за нами дверь в глухую комнату без окон, с одинокой тусклой лампочкой на потолке, освещающей болотно-зелёные стены, и остался недовольно ворчать снаружи. Его можно было понять: вырвали с корнями из долгожданного отпуска из-за убийства. В «допроске», как в глубоком колодце, обдало долгожданной прохладой после убийственно жаркого дня.

Флорика с любопытством разглядывала меня через стол. Сейчас она казалась ещё моложе, чем там, в квартире. Мне не давало покоя её поведение. Обычно после убийства приходит если не раскаяние, то понимание того, что сделал. И как правило, оно настигает, когда отпускает алкогольный дурман и абстинентный синдром. Только Флорика не была пьяна или с похмелья. Разумные синие глаза смотрели на меня с усталостью. Похоже, она не жалела о содеянном. Наоборот, в ней была какая-то расслабленность и умиротворение.

Я привычно достала диктофон. Потом чертыхнулась, вспомнив, что госпожа Мареш немая, и вытащила ноутбук. Включила камеру, направила на Флорику и нажала запись.

– Допрос Флорики Мареш, подозреваемой в убийстве мужа, Григора Мареша, проводит Кассандра Деменитру, психолог-криминалист. Флорика, двадцать четыре года, безработная…

Флорика сердито замотала головой. Подняла руки в «браслетах» и правой изобразила, будто что-то крутит. Было очень похоже на ручку швейной машинки.

– Значит, шьёте?

Она покивала.

– Вы убили своего мужа?

Флорика принялась делать какие-то странные движения пальцами. Больше всего было похоже на рисование или написание. Я вытащила из рюкзака квитанцию об оплате за коммуналку, перевернула и дала ей, сунула ручку.

«Где Лалка?» – кривовато написала она.

– У Чореску дома. Держится. Она молодец. Вы убили своего мужа?

Флорика выдохнула. Затем медленно кивнула. И счастливо улыбнулась.

От такой улыбки меня прошиб пот. Причина для убийства, должно быть, веская.

– За что вы убили его?

Флорика опустила глаза и отвернулась.

– Гунари! – рявкнула я, радуясь, что дело пошло, и боясь спугнуть разговорившуюся «клиентку». – Бумаги дай! Побольше!

За дверью разразился уже отборный мат. Но Гунари всё-таки приоткрыл дверь и сунул мне пачку чистых листов. Я переадресовала их Флорике. Но она не спешила в этот раз. Смотрела на бумагу со страхом и отвращением.

– За что вы убили его? Напишите ответ.

Я даже выдохнула, когда Флорика всё-таки взялась за ручку. Рисовала она дёргано, ломаными линиями, пытаясь поскорее отделаться от этого. Отшвырнула рисунок мне, и я увидела огромную мужскую фигуру во весь лист, густо заштрихованную чернилами. Стилизованный мужчина держал за руку маленькую девочку с косичками. Сердце забилось в горле, меня замутило.

– Ваш муж приставал к вашей дочери?

Флорика хмуро кивнула.

– Он вступал с ней в сексуальный контакт?

Она так яростно замотала головой и замычала, что сомнений не было: мотив я нащупала верно.

– Вы лично застали его за домогательствами?

Флорика кивнула и вдруг заревела. Я спохватилась и сунула ей бумажный платок, гадая, какую статью накинет за такое убийство прокурор. А ведь ещё понадобится медицинское освидетельствование и акт о психическом состоянии обвиняемой. И акт этот спросят с меня. А я даже сейчас без прохождения простейших тестов вижу перед собой человека с убитой вдребезги психикой. Настолько вдребезги, что придётся по кусочкам собирать.

Когда Флорика начала затихать, я продолжила:

– Госпожа Мареш, Флорика… Можете представить доказательства домогательств? Может, на телефон что-то сняли? На фотокамеру? Видео?

Она вдруг тяжело задышала, уставилась в столешницу мёртвым взглядом, будто вспомнив что-то. Сначала я не поняла, откуда идёт звук. Потом увидела, как изгибаются её губы. И всё та же колыбельная, но только грубым, хриплым голосом: «спы, дочнька, спы...», будто не она сама эту колыбельную поёт.

А потом опять началось. Лампочка замигала, как в дешёвых фильмах ужасов, резко вспыхнула и взорвалась, обдав нас градом осколков. В темноте я вскрикнула. Где-то рядом загремел по полу перевернувшийся стул Флорики. Я при-

крыла голову руками и сгребла в охапку ноут с драгоценными показаниями.

Завопила:

– Гунари!

Дверь распахнулась. Свет фонарика снаружи ослепил. Кто-то сгрёб меня в охапку и выволок из закутка. Пользуясь моей полной дизорентированностью в темноте, отнял ноут и принялся нагло ощупывать. Причём не только лицо и плечи. Да ещё и дышать в шею начал. Почуяв бедром прямую угрозу в штанах незнакомца, я нежно прижала его к себе и вломила коленом в пах. А когда он предсказуемо согнулся со сдавленным стоном, сложила пальцы в замок да и зарядила сверху локтями между лопаток. Для надёжности. Ибо нефиг.

И тут снова включилось питание. Да не резервное, обычное. Лампы в пыльных плафонах коридора замигали, вспыхнули и надсадно загудели, как растревоженный улей. Гунари ругался на чём свет стоит, изрыгая цыганские проклятья. Он толкал перед собой в камеру ошарашенную Флорику. А передо мной на полу скорчился мой начальник – Антон Калдарару. Рядом валялся фонарик и ноут.

«Приехали. Ну вот щас и этот меня уволит. Зашибись».

– Хорошая реакция, Деменитру, – просипел Антон. – В следующий раз сначала дам тебе по башке, а потом уже буду досматривать на предмет повреждений…

– А мы не на школьной дискотеке, чтобы ты меня по углам тискал.

– Я же думал, что там случилось с тобой… дура…

Я помогла ему подняться и проверила ноут. Машинка моя, к моему великому облегчению, послушно включилась, вентиляторы запели. Антон с интересом посмотрел запись допроса, но прокомментировал неожиданно:

– Опасная ты баба, Каська. Лампочки от тебя взрываются.

– Почему от меня? Может, это Флорика своим пением потусторонним?

– Отставить галлюцинации. Не слышишь, что ли – мычит она, а не поёт. А ты, Каська, брось эту привычку – казённое имущество портить. Я эту лампочку сам давеча ввернул. Новенькая она.

Расчудесно-то как. Сначала кресты переворачиваются, а сейчас лампочки взрываются. А что дальше? Стигматы? Или обряд экзорцизма?

Я сделала себе копию рисунка Флорики и всё смотрела на него, смотрела, пытаясь понять, почему она нарисовала девочку с косичками, ведь у Лалки косичек не было.

Глава 5. Когда в тебе слабеет вера

И одиноко, хоть кричи,

Отринь тоску и Люцифера

В свои объятья заключи

Рассказ о том, как я изгоняла Антона и Гунари по домам, повторяя, что сегодня по графику моё дежурство, достоин отдельного эпичного полотна. Гунари вяло ворчал, аргументируя тем, что я остаюсь наедине с убийцей. Я молча демонстрировала ему табельное и упаковку кофе во втором ящике. Калдарару шипел и грозился влепить строгий выговор за неподчинение или, на худой конец, за порчу имущества. Ему я ласково шепнула на ухо статью за домогательства и ещё раз упрямо постучала по графику, распечатанному на стене. Когда он всё же понял, что меня не сдвинуть с места, куда-то позвонил и сунул мне бумажку с чьим-то телефоном.

– Держи. В случае чего набери. Номер короткий, наши ребята доедут быстро.

– Она не нападёт. Она уже сделала всё, что хотела…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.